

RU

Компаративные конструкции в поэзии Арсения Тарковского как средство репрезентации образов ребёнка и детства в контексте культурных кодов

Трошина Н. В., Фёдорова Т. В., Фёдорова С. К.

Аннотация. Цель исследования – определить специфику употребления сравнительных конструкций как репрезентантов художественных образов ребёнка и детства в поэзии Арсения Тарковского в контексте культурных кодов. В статье раскрываются содержательные признаки эталонов сравнения, использованных в стихотворениях А. Тарковского, в контексте антропоморфного и темпорального культурных кодов. Научная новизна работы заключается в том, что сравнительные конструкции в поэзии А. А. Тарковского впервые описаны как средства языкового выражения культурных кодов. В результате показано, что эталоны сравнения обладают высоким выразительным потенциалом как репрезентанты различных культурных кодов, отражают специфику индивидуального авторского мышления.

EN

Comparative Constructions in Arseny Tarkovsky's Poetry as Means for Representing Images of Child and Childhood in the Context of Cultural Codes

Troshina N. V., Fedorova T. V., Fedorova S. K.

Abstract. The study aims to determine specificity of using comparative constructions as representatives of artistic images of the child and childhood in Arseny Tarkovsky's poetry in the context of cultural codes. The article sheds light on the content features of the comparison models used in A. Tarkovsky's poems in the context of anthropomorphic and temporal cultural codes. Scientific novelty of the work lies in the fact that comparative constructions in A. A. Tarkovsky's poetry are for the first time described as means for linguistic expression of cultural codes. As a result, it is shown that comparison models have a high expressive potential as representatives of various cultural codes, reflect specificity of individual author's thinking.

Введение

Изучение компаративных конструкций как средств репрезентации культурных кодов является актуальным исследованием, т.к. отражает важную черту современных исследований – полипарадигмальность, которая заключается в анализе объекта в разных парадигмах знаний. Действительно, культурные коды становятся объектом изучения специалистов нескольких областей знания: культурологии, психологии, философской антропологии, этнологии. Внимание лингвистов к интерпретации культурных кодов обусловлено значительным потенциалом языковых единиц в выражении ценностных приоритетов и культурных стереотипов общества, отраженных в языковой картине мира и авторском художественном мире. При этом репрезентировать культурные коды могут единицы разных уровней языка, в том числе и синтаксические единицы.

Детство – особый период в жизни человека, накладывающий отпечаток на всю его дальнейшую жизнь, это своеобразный потенциал будущего. Не случайно детство становится предметом пристального внимания поэтов и писателей, обращающихся к вопросам бытия человека. Многочисленные труды в области антропологии, психологии, философии, культурологии посвящены описанию феноменов детства и детскости (под *детскостью* понимают «сохранение взрослой личностью свойств, присущих детству» [4, с. 332], психические качества, свойственные ребенку, но сохраняемые и в последующие возрастные периоды развития и жизнедеятельности взрослого человека). Следует отметить, что образы ребёнка и детства в творчестве Арсения Тарковского, одного из ярчайших поэтов XX века, не раз привлекали внимание исследователей (см., например, работы О. Ю. Казмирчук [5], О. А. Царевой [16]). Однако сравнительные конструкции, использованные автором

для репрезентации данных образов, не были предметом специального изучения. Данное обстоятельство и в целом научный интерес к представлению культурных кодов в авторском художественном мире определяют актуальность настоящей работы.

Для описания компаративных конструкций в поэзии А. А. Тарковского как средств языковой репрезентации культурных кодов необходимо решить следующие задачи: во-первых, раскрыть специфику представления сравнительных конструкций в аспекте культурных кодов; во-вторых, выявить эталоны сравнения, использованные в поэтических текстах Арсения Тарковского, представляющие образы ребёнка и детства; в-третьих, охарактеризовать сравнительные конструкции с точки зрения выражения в них культурных смыслов, запечатленных в антропоморфном и темпоральном культурных кодах.

В качестве ведущих методов исследования использовались метод сплошной выборки языковых единиц, метод **лингвистического наблюдения и описания**, метод контекстуального анализа.

Теоретической базой исследования послужили работы В. В. Красных [7], М. Л. Ковшовой [6], Г. В. Токарева [13], в которых рассматриваются вопросы сущности культурных кодов, их классификации, связей с языком. Кроме того, настоящее исследование опирается на ряд работ, посвящённых творчеству Арсения Тарковского [3; 9].

Практическая значимость работы заключается в том, что материалы, полученные в результате исследования, могут быть использованы для дальнейшего описания системы культурных кодов в целом и интерпретации их в творчестве конкретного автора. Материалы статьи могут служить основой вузовских спецкурсов и спецсеминаров в области лингвокультурологии, лингвокультурологического анализа художественного текста.

Компаративные конструкции в свете культурных кодов

Сравнение как языковое явление имеет особую структуру: оно включает в себя объект сравнения (явление, предмет, который оценивается говорящим), эталон сравнения (явление, предмет, с которым объект сопоставляется) и основание сравнения (признак, на основе которого происходит сопоставление). Эталоны сравнения в поэзии Арсения Тарковского весьма разнообразны: это может быть человек, растение, животное или насекомое, явление природы, предмет, абстрактное понятие и др. Эталоны, как наиболее оригинальные, творческие компоненты сравнения, отражают специфику авторского мировосприятия. Описание эталонов сравнения в поэзии А. Тарковского может быть представлено через систему культурных кодов.

Культурный код, одно из основных понятий культурологии, рассматривают как «систему означивания, то есть сформированную стереотипами этнокультурного сознания конфигуративную совокупность знаков и механизмов их применения...» [1, с. 61-62]. В культурных кодах отражается способ мышления людей, а применительно к авторскому тексту культурные коды представляют собой особые способы кодирования культурной информации, которая преломляется через авторское мировидение.

Исследователи отмечают обязательную связь кода с той или иной культурой, при этом код представляет собой своего рода «сетку», «которую культура “набрасывает” на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его» [7, с. 5]. Культурный код «обозначает класс знаков и правила их “прочтения” интерпретатором, которые, в свою очередь, обусловлены той или иной культурой, в которой они будут прочтены, тем или иным культурным хронотопом, культурной компетенцией интерпретатора и т.п.» [6, с. 30].

В основу определения типа культурного кода положен базовый образ, который возникает как результат «обобщения внутренних форм однотипных косвенных номинаций» [13, с. 66]. Например, для биоморфного культурного кода базовым будет образ животного или растения, для антропоморфного – образ человека, для объектного – предмета и др.

В поэзии Арсения Тарковского яркими средствами репрезентации образов ребёнка и детства являются синтаксические конструкции с компаративным значением. Они используются автором, чтобы ярче, нагляднее охарактеризовать предмет или его признак (свойство, действие) путём сопоставления его с другими предметами или признаками.

Некоторые из культурных кодов репрезентированы в поэзии А. Тарковского через компаративные конструкции, раскрывающие образы ребёнка (антропоморфный код) и детства (темпоральный код).

Компаративные конструкции как репрезентанты образов ребёнка и детства в аспекте антропоморфного культурного кода

В основе антропоморфного культурного кода лежит очеловечивание явлений природы, предметов, действий и процессов. В поэтических текстах А. Тарковского данный культурный код репрезентируется компаративными конструкциями с эталонами «ребенок», «дитя», «мальчик (мальчишка)», «девочка». Художественное осмысление категории детскости позволяет поэту наделять те образы, которые стали объектами сравнения, яркими, неповторимыми чертами.

В исследуемых поэтических текстах, где свойства эталона сравнения передаются объекту-человеку, отражается универсальность представлений, запечатленных в народном сознании. Так, сравнение с эталоном «дети» – яркий пример художественного осмысления детскости как внутреннего состояния человека, не потерявшего богатства души в процессе взросления: «Они развешивали сети, / Распутывали поплавки / И, улыбаясь,

точно дети, / Натягивали пиджаки» [12, т. 1, с. 168]. В данном случае через сравнение с детьми автор акцентирует внимание на таких качествах объекта сравнения, как душевная чистота, открытость, искренность, непосредственность.

Христианская традиция представляет ребенка в контексте идеи святости. «Именно сакральный опекун “всякого дитяти” – Христос задает хронотоп детства как вместилище вневременной добродетели» [8]. Согласно В. В. Розанову, «младенец имеет положительное в себе, т.е. в нем есть не только отсутствие греха, но и присутствие святости» [11]. В таком ключе представлен образ ребенка как эталон сравнения в стихотворении Тарковского: «*Так последний связист под обстрелом, / От большого пути в стороне, / Прикрывает расстрелянным телом / Ящик свой на солдатском ремне. / На снегу в затвердевшей шинели, / Кулаки к подбородку прижав, / Он лежит, как дитя в колыбели, / Правотой несравненно прав*» [12, т. 1, с. 144]. Образ связиста, который в стихотворении является воплощением образа поэта и его судьбы, благодаря сравнению с младенцем обретает ореол святости, чистоты, жертвенная смерть становится символом бессмертия и начала новой жизни. Сакральное значение имеет и образ колыбели, важного атрибута, определяющего пространство детства. Согласно русской традиции, колыбель – первый дом ребенка – располагалась в центре избы, шест с колыбелью обычно крепили к матице (матке) – балке, которая поддерживает потолочный настил. Матица «является внутренней границей дома, центром избы, местом ряда важнейших ритуальных действий» [15] и в знаковом плане интерпретируется «как мировое дерево – один из универсальных символов центра Вселенной, связывающей различные сферы мироздания» [8]. Это вполне коррелируется с представленным в поэзии Тарковского мотивом космологии мира и «срединного» положения в нем человека-поэта.

Основные атрибутивные свойства детства – любопытство, пытливість, безудержное стремление к новому; эти качества, являющиеся для взрослого человека принципами ума, становятся применительно к ребенку принципами самого бытия. Именно эти признаки детства актуализируются в стихотворении Арсения Тарковского «Жизнь, жизнь»: «*Судьбу свою к седлу я приторочил; / Я и сейчас, в грядущих временах, / Как мальчик, привстаю на стремянах*» [12, т. 1, с. 243]. Жажда новых впечатлений, устремленность вперед, готовность примерить на себя «детский» опыт восприятия мира, обновляющий, «остраивающий» привычные повседневные вещи и смыслы и потому отличающийся свежестью, новизной, – всё это переплелось в ассоциативно-семантической глубине образа мальчика, привстающего на стремянах. Этот образ – воплощение прошлого, настоящего и будущего лирического субъекта поэзии Тарковского.

Детские поведенческие реакции, переживания лирического субъекта отражаются в следующей строке: «*Я, как мальчишка, убежал в кино*» [Там же, т. 2, с. 47]. Коннотативно окрашенная лексема «мальчишка» передает важные для понимания специфики эмоционального состояния ребенка качества: шаловливость, непослушание. Ср. дефиницию сравнения «как мальчишка» в «Большом словаре русских народных сравнений»: «О задорном, шаловливом, готовом на авантюры взрослом мужчине» [10, с. 373]. Лирический герой стихотворения, подобно ребенку, сбегаящему в кино с уроков или от домашних дел, навязанных взрослыми, демонстрирует готовность нарушить предписанные правила, совершить неожиданный для окружающих поступок.

Репрезентантами антропоморфного культурного кода эталоны сравнения, представляющие образ ребенка, являются и в тех случаях, когда объектом сравнения выступает абстрактное понятие, явление из вещественного, животного мира.

В русском сознании запечатлен образ ребенка как существа неопытного, беззащитного. Именно эти свойства отражаются в следующем сравнении: «*И как ребенок “мама” говорит, / И мечется, и требует покров, / Так и душа в мешок своих обид / Швыряет, как плотву, живое слово: / За жабры – хват! и рифмами двоит*» [12, т. 1, с. 192]. Наивная, светлая душа поэта, как ребенок, вступивший в этот мир, нуждается в помощи, поддержке, но мир иногда оборачивается темной стороной, и это вынуждает душу становиться сильной, дерзкой. Образ души приобретает телесные характеристики, и сравнение её с младенцем актуализирует признаки «беспокойство», «беззащитность».

В «Посвящении» чертами ребёнка наделяется окружающий лирического героя мир: «*Мир, словно мальчик семилетний, гибок; / Цвела гроза, – он, как дитя, затих, / Но вороха наследственных ошибок / В те дни лежали на руках моих*» [Там же, с. 378]. В сравнении мира с семилетним ребенком представлена особая сторона образа детства, имеющая сакральное значение в русской народной культуре. Семь лет – возраст, знаменовавший обретение ребенком соответствующих его полу одежды, прически, начало хозяйственного освоения внешнего пространства. Этот возрастной рубеж считался временем своеобразной инициации, проверки на способность участвовать в деятельности взрослых и обладать «взрослым» знанием [8]. Уже не младенец, но еще не взрослый, семилетний мальчик является воплощением, с одной стороны, детской чистоты, наивности, а с другой – определенной зрелости ума, готовности открывать неизвестное и входить в новый мир. Именно эта многогранность, «гибкость» душевного, умственного склада ребенка, устремленность его в будущее и актуализируются в компаративной конструкции. Второе сравнение – *как дитя* – еще раз подчеркивает чистоту, непосредственность, восприимчивость ребенка. Таков и мир, такова и природа, переживающая весеннее обновление.

Важными для художественного мира Тарковского оказываются сравнения с эталоном «девочка»: «*Лиловая в Крыму и белая в Париже, / В Москве моя весна скромней и сердцу ближе, / Как девочка в слезах*» [12, т. 1, с. 301]. Используя сравнение, поэт наделяет весну непорочностью, чистотой, скромностью ребёнка, подчеркивая ее символичность как времени обновления, начала новой жизни. Вместе с тем отражаются и гендерные особенности образа: именно в «девочке-весне» воплощена нежность, беззащитность, скромность.

В стихотворении «Посредине мира» поэт проводит параллель «мотылёк – девочка»: «*И – Боже мой – какой-то мотылек, / Как девочка, смеется надо мною...*» [Там же, с. 172]. Сравнение позволяет создать ёмкий по семантическому потенциалу образ. Одна из теорий, раскрывающих символизм образа бабочки, связана с метаморфозой, которая происходит в результате превращения бабочки из куколки, освобождения из кокона. Бабочка представляется как символ бессмертия души, возрождения и воскресения [2, с. 72]. Мир детства в поэзии Тарковского, по замечанию С. А. Манскова, является «райским пространством», а ребенок – носитель другой идеологии, «языка Бытия», ощущения целостности мира [9, с. 63]. Использованное Тарковским сравнение с девочкой позволяет создать образ смеющегося мотылька, олицетворяющего бесконечность жизненного движения, тайну вечной жизни. То, что «какой-то мотылёк» смеется над человеком, подчеркивает неспособность последнего познать все тайны мира, нелепость притязаний человека, мыслящего себя центром мироздания. Но на самом деле власть человека над миром и временем иллюзорна. И «противопоставленность человеком самого себя остальному универсуму (могучее Я и какой-то мотылек) приводит к постепенному “выключению” его из процесса активного жизнестроения» [3].

Таким образом, разнообразные с точки зрения семантики компаративные конструкции становятся в поэзии А. Тарковского яркими средствами репрезентации культурных смыслов, отражающих значимость образов ребенка в создании общей художественной картины мира.

Компаративные конструкции как средство репрезентации образов ребёнка и детства в аспекте темпорального культурного кода

Темпоральный культурный код связан с репрезентацией образов через обозначение времени. В поэтических текстах Арсения Тарковского данный культурный код эксплицирован через сравнительные обороты с эталонами сравнения, содержащими лексемы с темпоральной семантикой («детство», «детские годы», «тогда»).

Детство – это время познания окружающего мира, время открытий, «научения» новому. Именно такой образ детства представлен в стихотворении «Посвящение»: «*Пугаясь, я ощупывал предметы – / Тела медуз в мерцающей воде, / Древесный корень, музыкой согретый, / И мрамор, запрокинутый к звезде. / И я учился говорить, как в детстве, / Своим косноязычием томим*» [12, т. 1, с. 378]. Сравнение «как в детстве» проводит параллель между первым лепетом ребенка и «косноязычием» поэта, постигающего тайну слова.

Образ детства отражен в эталоне сравнения и в стихотворении «Стихи из детской тетради»: «*Почему захотелось мне снова, / Как в далекие детские годы, / Ради шутки не тратить ни слова, / Сочинять величавые оды, / Штурмовать олимпийские кручи, / Нимф искать по лазурным пещерам / И гекзаметр без всяких созвучий / Предпочесть новомодным размерам?*» [Там же, с. 161]. Обращение лирического героя к всеобъемлющему космосу детства предстает как поиск истоков настоящей жизни, констант существования поэта. При этом «далёкие детские годы», о которых вспоминает лирический герой, – это детские годы не только поэта, но и самой поэзии, когда она была еще «гекзаметром без всяких созвучий». Такое родство лирического героя с античной эпохой утверждает образ поэта как носителя культурной памяти.

Следует заметить, что темпоральный код в поэзии Тарковского пересекается с пространственным и объектным (фетишным). И это «пересечение» культурных кодов создает уникальный поэтический мир, «в котором преломление архетипных образов, символов через индивидуальное художественное мышление поэта создает уникальные “ментальные модели” сравнения» [14, с. 248]. Ярким примером такого взаимодействия кодов, моделирующего ёмкий по семантическому потенциалу образ детства, является сравнение в стихотворении «У лесника»: «*Открыла мне память моя / Таинственный мир соответствий: / И кружка, и стол, и скамья / Такие же точно, как в детстве*» [12, т. 1, с. 187]. Овеществлённое пространство, заполненное предметами «из детства», ассоциативно связано у автора с прекрасными далекими годами, при этом «пространство “родного дома” оказывается исключительно мифическим, актуализируясь только через соотнесение воспоминаний, предметных деталей и пространственных характеристик “случайной” реальности» [3]. Созданный автором образ передает невозможность возвращения в райский уголок детства, в родной дом, что акцентирует внимание на концептуально значимом для поэтического мира Тарковского мотиве блуждания, поиска и обретения себя, своего пути.

Детство у Тарковского – счастливое время, и воспоминания о нем полны тепла, света. Поэт утверждал: «У детей должно быть золотое детство. У меня оно было» [12, т. 2, с. 235]. В стихотворении «Белый день» представлен образ этого безмятежного периода жизни, отмеченный особыми пространственно-временными чертами. Воспоминания о детстве эксплицируют архетипический образ родного дома как места гармонии, любви, счастья; родительский дом, непрменный атрибут территории детства, представлен как идеальный мир, «райский сад». Но этот мир детства и счастливое, беззаботное время в настоящем осознаются лирическим героем как нечто недостижимое, безвозвратное: «*Вернуться туда невозможно / И рассказать нельзя, / Как был переполнен блаженством / Этот райский сад*» [Там же, т. 1, с. 302]. И только воспоминания греют душу; не случайно автор использует повтор сочетания *чем тогда*, отсылающего к былому времени: *Никогда я не был / Счастливей, чем тогда. / Никогда я не был / Счастливей, чем тогда* [Там же].

Таким образом, сравнительные конструкции, репрезентирующие образы детства в аспекте темпорального культурного кода, участвуют в формировании художественного образа времени, в котором культурно значимые смыслы пересекаются с индивидуальными чертами, обусловленными авторским мировосприятием.

Заключение

Решая поставленные в работе задачи, мы пришли к следующим выводам.

Культурные коды, аккумулирующие и транслирующие культурно значимую информацию, находят воплощение в образах ребёнка и детства, запечатлённых в художественном мире А. Тарковского.

Одними из ярких средств языковой репрезентации образов ребёнка и детства в поэтических текстах А. Тарковского являются компаративные конструкции, содержащие лексемы «ребенок», «дети», «девочка», «мальчик», «детство» и др., выступающие в качестве эталонов сравнения.

Наиболее ярко через исследуемые эталоны сравнения репрезентируются образы ребенка и детства в аспекте антропоморфного культурного кода. Значимыми для поэтического мира Тарковского становятся такие качества ребенка, отраженные в культурном коде, как пытливость, стремление к новому, душевная чистота, непорочность, незащищенность, открытость, непосредственность и др. Художественное осмысление категории детства в поэзии Тарковского коррелирует с представлением образа ребенка в русском языковом сознании.

Темпоральный культурный код, участвующий в формировании художественного образа времени в поэзии А. Тарковского, связан с восприятием детства как времени познания окружающего мира, открытий, времени беззаботного, счастливого, отраженного в воспоминаниях лирического героя.

Взаимодействие культурных кодов с индивидуальным авторским мировосприятием рождает целую систему образов и символов, которые делают поэтический мир А. Тарковского уникальным явлением.

Перспективы дальнейшего исследования определяются необходимостью детального изучения компаративных конструкций в поэзии Арсения Тарковского как языковых репрезентантов других типов культурных кодов (фетишный, акциональный, анимический и др.), что поможет более полно выявить специфику преломления культурных кодов в индивидуальном авторском сознании поэта и раскрыть потенциал сравнительных конструкций в плане выражения культурных смыслов.

Список источников

1. Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. М.: Academia, 2002. 392 с.
2. Андреева В., Куклев В., Ровнер А. Символы, знаки, эмблемы: энциклопедия. М.: Астрель; АСТ, 2004. 598 с.
3. Баратынская Ж. Поэтика «вечного возвращения» Арсения Тарковского как феномен конвергентного сознания [Электронный ресурс]. URL: https://www.studmed.ru/baratynskaya-zh-poetika-vechnogo-vozvrasheniya-arseniya-tarkovskogo-kak-fenomen-konvergentnogo-soznaniya_fba18b5d53b.html (дата обращения: 05.10.2020).
4. Горохова О. В. Детскость творческой личности в русской культуре XX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. Вып. 99. С. 331-334.
5. Казмирчук О. Ю. Интерпретация мотива детства в книге А. А. Тарковского «Зимний день» [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interpretatsiya-motiva-detstva-v-knige-a-a-tarkovskogo-zimniy-den> (дата обращения: 15.10.2020).
6. Ковшова М. Л. «Культурный код» как элемент культурной интерпретации фразеологизмов в лингвокультурологической парадигме исследования // Знание. Язык. Культура: материалы Международной научной конференции «Славянские языки и культура». Тула: Петровская гора, 2007. С. 30-33.
7. Красных В. В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2001. Вып. 19. С. 5-19.
8. Мамычева Д. И. Детство – метаморфозы культурного взгляда [Электронный ресурс]. URL: <https://docplayer.ru/29387758-D-i-mamycheva-detstvo-metamorfozy-kulturnogo-vzglyada.html> (дата обращения: 25.11.2020).
9. Мансков С. А. Предметный мир поэзии А. Тарковского // Вестник Барнаульского педагогического университета. Серия «Гуманитарные науки». 2001. № 1. С. 63-69.
10. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских народных сравнений. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 800 с.
11. Розанов В. В. Религия и культура [Электронный ресурс]: сборник статей. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_005456716?page=180&rotate=0&theme=white (дата обращения: 13.02.2021).
12. Тарковский А. А. Собрание сочинений: в 3-х т. М.: Художественная литература, 1991. Т. 1. 464 с.; 1991. Т. 2. 289 с.; 1993. Т. 3. 464 с.
13. Токарев Г. В. Образ человека в русской картине мира // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2012. № 2 (12). С. 66-75.
14. Трошина Н. В., Фёдорова С. К. Сравнительные конструкции как средство репрезентации мифологического культурного кода в поэзии Арсения Тарковского // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2017. № 2. С. 243-248.
15. Угрюмова М. М. «Лингвокультурологический словарь детства (на материале говоров Среднего Приобья)»: в начале пути [Электронный ресурс]. URL: <https://www.novsu.ru/file/1337331> (дата обращения: 13.02.2021).
16. Царева О. А. Тема детства в лирике Арсения Тарковского // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 7 (49). Ч. 1. С. 198-202.

Информация об авторах | Author information**RU**

Трошина Наталья Викторовна¹, к. филол. н., доц.
Фёдорова Татьяна Владимировна², к. филол. н.
Фёдорова Светлана Константиновна³

^{1,2} Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского

³ Рязанский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова

EN

Troshina Natalya Viktorovna¹, PhD
Fedorova Tatyana Vladimirovna², PhD
Fedorova Svetlana Konstantinovna³

^{1,2} Bryansk State Academician I. G. Petrovski University

³ Ryazan State Medical University

¹ natalya_troshina@mail.ru, ² fedorova0808@yandex.ru, ³ veto2005@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 08.09.2020; опубликовано (published): 09.04.2021.

Ключевые слова (keywords): компаративная конструкция; культурный код; Арсений Тарковский; образ ребёнка; образ детства; comparative construction; cultural code; Arseny Tarkovsky; image of child; image of childhood.